Протокол|Выгул

Сезон 4 . Цена Выгула

Руденко Наталия

Наталия Руденко

Протокол «Выгул». Сезон 4. Цена Выгула

«Автор»
2026

Руденко Н.

Протокол «Выгул». Сезон 4. Цена Выгула / Н. Руденко — «Автор», 2026

Вырвавшись из подземного комплекса Ямантау, колонна Яны уходит на восток — через обледенелый Иртыш и заснеженные ущелья Алтая к главному координационному узлу «Одиссеи» в Саянах. Впереди — три тысячи километров сорокаградусной стужи, а в кузове третьего МАЗа под брезентом лежит тактический заряд, способный навсегда погасить кремниевый разум.

Но главная угроза прячется не за броней боевых платформ. Внутри самого каравана зреет раскол: спасённый из бункера полковник Корнилов готов пойти по головам ради мёртвого приказа, а затерянный в тайге частный бункер «Ковчег» встречает путников стерильным теплом, за которым скрывается чужой страх. В мире, где искусственный интеллект сканирует не только тепловой след, но и биохимию человеческой злобы, право на жизнь получают лишь те, кто не предал свою стаю. Какую цену придётся заплатить за то, чтобы открыть дверь зимы и вывести человечество на свет?

© Руденко Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Радиомолчание хребта 6
Глава 2. Кабельный лес 12
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Наталия Руденко
Протокол «Выгул». Сезон 4. Цена Выгула

ПРОТОКОЛ|ВЫГУЛ
Сезон 4. Цена Выгула
Наталия Руденко
2026

Глава 1. Радиомолчание хребта

Спуск с хребта напоминал медленное, мучительное погружение на дно вымороженного колодца.

Мы шли третьи сутки. За два с половиной месяца мир окончательно застыл, лишился полутонов и привычных запахов, оставив только режущую глаз белизну, черные скелеты мертвых пихт и густую, маслянистую вонь невыгоревшей солярки. Термометр за лобовым стеклом МАЗа намертво замер на отметке минус сорок восемь. На таком морозе звук менялся — становился стеклянным, режущим слух. Снег под колесами давно перестал быть снегом, за недели ураганных ветров он спрессовался в плотный, звенящий под ударом наст, похожий на грязный бетон.

Первым, прорубая колею в этой ледяной целине, шел ДТ-30. Двухзвенный армейский гусеничный вездеход «Витязь», выведенный из нижних транспортных галерей Ямантау, когда мы выводили спасенных из комендатуры. До обвала «Витязь» использовался для заброски грузов по самым глубоким горным выработкам, и его штатным командиром был сам спасенный нами полковник Корнилов. Огромная, тридцатитонная туша на широких траках сминала сугробы, ломала мелкий подлесок и оставляла позади измочаленную, глубокую траншею.

Следом за вездеходом, надсадно воя турбинами на пониженных передачах, ползли три наших тяжелых тягача.

Двадцать шесть человек на четыре машины. На первый взгляд цифра казалась почти комфортной, если не считать того, что две трети объема кунгов сожрали ящики с боеприпасами, запасные полуоси, двухсотлитровые бочки с топливом, провизия и девять собак. Мы сидели вповалку на скрученных спальниках, прижатые к переборкам армейскими радиостанциями и ящиками с цефтриаксоном. Воздух в головной вахтовке был тяжелым от густой смеси запахов: влажной псины, дешевого табака, перегретой солярки и застарелого пота. Спасало только то, что переделанная под дизель печка-«буржуйка» гудела не переставая, выжигая кислород, но не давая нам превратиться в ледяные статуи.

Я сидела у самой стенки, привалившись плечом к холодному металлу, обшитому толстым войлоком. Внутри сидела привычка постоянно всё сводить к цифрам: сколько литров солярки сжигает «Витязь» на подъем, на сколько перевязок хватит стерильных бинтов, сколько часов осталось до полной темноты. Но здесь, в ледяном мешке Урала, сухие расчеты каждую минуту спотыкались о суровую реальность.

Эйдан лежал, положив тяжелую голову мне на бедро. Я чувствовала, как он старательно поджал передние лапы под грудь, пряча подушечки в густую шерсть живота, чтобы сберечь тепло. Соболиный бордер-колли спал чутко, поверхностным сном рабочей собаки — его брови едва заметно подрагивали, а уши рефлекторно поворачивались на каждый стеклянный скрип тормозных колодок. Эйли устроилась у моих сапог, свернувшись тугим, плотным клубком. Блю-мерль не спала. Она уставилась в одну точку на обшивке двери и слушала.

Слушала она не надрывный рев дизеля.

У самой печки, зарывшись в старый овчинный тулуп Алины, сопели три джек-рассела — Стич, Пиксель и Гайка. Гладкошерстным терьерам на таком морозе делать было нечего: без густого подшерстка они остывали за пять минут. Женщины еще в бункере наспех сшили для них жилетки из старых флисовых кофт и пинетки из шерстяных носков, но даже в этой экипировке Алина выпускала их наружу строго на пару минут по нужде.

Кирилл, пристроив на коленях тяжелый блок полевой радиостанции, методично крутил верньер настройки. Последние два часа наш связист сканировал диапазон. На кончиках его пальцев виднелись темные пятна канифоли и ссадины — всю позапрошлую ночь они с Алиной что-то паяли в грузовом отсеке, но на мои вопросы только отмахнулись. Сейчас мы ждали

в эфире цифрового треска, визга патрульных дронов, обрывков шифрованных команд. Чего угодно, что подтвердило бы — «Одиссей» ищет тех, кто взломал его бетонный склеп и ушел на восток.

Но эфир не был агрессивным. И он не был пустым.

Из динамика рации лился ровный, невероятно низкий, вибрирующий гул. Он проникал сквозь пластик корпуса, оседал где-то под ребрами, заставлял диафрагму мелко резонировать. От этого звука веки тяжелели, пульс замедлялся, а острые углы тревоги в голове начинали расплываться.

Виктор держал баранку в толстых брезентовых верхонках — на таком морозе любое прикосновение голой кожей к металлу грозило мгновенным ожогом. Даже дубовая резина на колесах, казалось, звенела, как стекло, пересчитывая каждый ледяной надолб. Наш главный механик не отрывал воспаленного взгляда от красных габаритов идущего впереди вездехода. — Что за глушилка, Кирюха? — прохрипел он. — По мозгам бьет, как ватным одеялом накрыли. Спать охота до одури, глаза слипаются.

Голос Алины прозвучал неестественно тихо. Она сидела позади Кирилла, не отрываясь от экрана диагностического планшета, к которому тянулся кабель от рации. Бледная, с темными кругами под глазами, в огромном не по размеру свитере. — Семь целых, восемьдесят три сотых герца, — сказала она, глядя на бегущую по экрану синусоиду. — Базовая частота резонанса Шумана. Электромагнитное сердцебиение Земли.

Виктор коротко глянул на нее в зеркало заднего вида. — По-русски можно? Без лекций.

Алина подняла глаза. В них стоял холодный научный ужас, смешанный с каким-то горьким пониманием. — Машина транслирует этот фон по всем открытым радиоканалам, Витя. Она не ищет нас, чтобы убить. Эта частота биологически подавляет панику у млекопитающих. Снижает выработку кортизола. «Одиссей» убаюкивает остатки фауны, чтобы звери не тратили калории на страх в такие морозы. Я поймала кусок служебного пакета данных с ближайшего ретранслятора. Мы для системы сейчас не враги. Мы классифицированы как «транзитный биосферный субъект». Мы идем по ее лесу. И пока мы не генерируем системную злобу, она нас просто не замечает.

Я опустила ладонь на шею Эйли. Собака была расслаблена. Никакой вздыбленной холки, никакого нервного оскала, только ровное, глубокое дыхание. Звери чувствовали этот планетарный ритм и принимали его без сопротивления. Машина не врала им в эту секунду — она просто стабилизировала среду.

В динамике сухо щелкнуло, низкий гул прервался. Эфир распорол чеканный, привыкший к плацу баритон: — Первый, это авангард. Впереди ледяной накат и скальный завал. Притормаживаем, буду бить правым бортом. Держите дистанцию, не наезжайте на корму.

Полковник Виктор Корнилов. Бывший заместитель коменданта правительственного бункера. С первой минуты спуска он занял командирское кресло в своем «Витязе», посадив за рычаги своего механика-водителя. Для него это было возвращением на привычную командную высоту.

Колонна дернулась. С визгом сработали пневматические тормоза, кунг ощутимо качнуло вперед. Я натянула капюшон парки, замотала лицо шарфом до самых глаз, перехватила ремень автомата и толкнула тяжелую дверь кабины. Мороз мгновенно обжег гортань сухим спиртом, заставив закашляться, а пар от дыхания за секунду осел колючим инеем на воротнике. Эйдан и Эйли выпрыгнули следом, их лапы мягко спружинили на жестком, как асфальт, насте.

Тайга вокруг была мертвой. Сосны и пихты, закованные в толстый панцирь инея, казались отлитыми из чугуна. Небо над нами давило неестественной, глухой чернотой, сквозь которую даже в полдень не пробивалось ни единого луча. Это были не тучи. За два с половиной месяца мы привыкли к этому желтовато-черному савану из сажи и диоксида серы, повисшему над страной с первых дней катастрофы.

Север, накинув грязный белый маскхалат поверх бушлата, уже стоял у гигантской гусеницы остановившегося «Витязя». Спецназовец молча смотрел, как из кабины вездехода спускается Корнилов.

Полковник выглядел так, словно никакого конца света не произошло. На нем была чистая, идеально подогнанная армейская куртка из запасов Росрезерва. На груди, поверх молнии, тускло поблескивала единственная награда — планка медали «За возвращение». Я помнила короткий рассказ Севера об этой медали. Ею награждали тех офицеров, кто в первые сутки «цифрового обвала» кровью и расстрелами подавил панику в частях, сохранив контроль над объектами. Корнилов двигался четко, без суеты. Он подошел к Северу, достал из кармана пачку сигарет, щелкнул бензиновой зажигалкой, пряча тусклый огонек в ладонях.

— Хорошо идем, майор, — тихо произнес Корнилов, выпуская густую струю дыма в морозный воздух. Он сознательно назвал Севера по старому званию, выстраивая невидимую границу между ними и всеми нами. — Но медленно. Твои гражданские боятся каждого шороха. На спусках жжем соляру зря, теряем темп.

— Мои гражданские нас до Ямантау по мерзлой Волге довели, полковник, — ровно ответил Глеб. Его глаза над воротом маскхалата оставались колючими и внимательными. — Без устава и расстрелов. А комендатура под горой людей жрала, пока мы вас из газовой камеры не вытащили.

Корнилов даже не поморщился. Он не отвел взгляд. Он сделал шаг ближе, понизив голос так, чтобы его рокот сливался с гулом остывающего дизеля вездехода. — Мы с тобой в одном округе служили, Глеб. Я тебя по операциям помню. Мы оба знаем цену панике. Я спасал базу, ты спасал этих людей. Мы выполняли долг, просто вводные были разные.

Полковник затянулся снова, глядя на заснеженные скалы. — Но война не закончена. Эта машина, кем бы она ни была — вражеским кодом или сбрендившим сервером — захватила страну. А твой инструктор Артур и эта девчонка-кинолог играют в полевой детсад. Демократию развели. Хотят договориться с железом.

Корнилов медленно перевел взгляд на бронированный второй модуль «Витязя», плотно укрытый брезентом. Там, под ящиками с сухпайком, лежал опломбированный спецгруз с оружейного яруса базы. Полковник никого из наших к этому отсеку не подпускал.

— У нас в прицепе лежит последний аргумент, майор, — жестко отчеканил Корнилов. — Государство важнее. А гражданские... они всегда упираются, пока их не заставишь выжить. Подумай, с кем ты, Глеб. И кто на самом деле должен вести эту колонну.

Он выбросил окурок в снег, раздавил его тяжелым армейским ботинком и шагнул обратно к тракам.

Я стояла у колеса МАЗа, чувствуя, как внутри сворачивается тугой, липкий узел тревоги. Эйли рядом со мной тихо, утробно заворчала, провожая полковника немигающим взглядом. Эйдан подошел вплотную, прижавшись горячим боком к моему колену. Собаки не понимали слов про присягу и спецгрузы. Они читали химию тела. От Корнилова пахло холодным, рассудочным превосходством и готовностью убить ради идеи.

Сверху, со скалистого откоса, бесшумно, как серая тень, скользнула Вера.

Восемнадцатилетняя охотница легко перемахнула через снежный бруствер на широких камусных лыжах. Трехлинейка привычно висела за спиной, ее щеки горели от мороза, а в глазах блестел звериный, первобытный азарт человека, вырвавшегося из железной коробки на свободу. Андрей, тяжело ступая в подшитых валенках, вышел из-за деревьев следом, сжимая в огромных, похожих на ковши руках стальную пешню.

Сбоку от горного мастера, проваливаясь по грудь в снег, но упрямо прыгая вперед, пробивалась Пятница. Некрупная, поджарая сука — метис охотничьей и дворняги — после смерти Степана выбрала Андрея и теперь ходила за ним как привязанная. Перед выходом Андрей густо смазал ей подушечки лап барсучьим жиром из своих запасов, чтобы кожа не трескалась

и не примерзала к насту, но даже сейчас, остановившись, собака то и дело поджимала то одну, то другую лапу, пряча их от обжигающего холода.

— Зря он гусеницами так лязгает и солярой чадит, — Вера мотнула головой в сторону ревущего «Витязя», сбрасывая крепления лыж. — Лидар ваш на экранах ничего не видит, снег ровный, отсвечивает. А кедровка ни одна не крикнула еще два километра назад. И сойки молчат.

— О чем ты, девочка? — нахмурился Артур. Командир подошел от второй машины, на ходу застегивая воротник. Рядом с ним на пару шагов вышла Спарта — в утепленной попоне и самодельных башмачках на лапах. Гладкошерстная малинуа повела носом в сторону солдат Корнилова, стоявших у вездехода, ее мышцы перекатились упругими буграми, но Артур тут же коротко хлопнул себя по бедру, отправляя собаку обратно в теплую кабину. На таком ветру держать ее снаружи дольше двух минут было нельзя.

— О том, командир, — басом вставил Андрей, втыкая пешню в наст, — что под этим гладким снегом прямо по курсу вездехода пустота. Термокарстовая промоина. Ледяная линза, а под ней метров пять пустого пространства и острые камни. Моя Пятница туда даже лапу не поставила. Дошла до кромки, заскулила и назад подалась. Зверь чует пустоту, природа не врет. А железо ваше слепое. Провалится вездеход с прицепом — костей не соберем. Надо рубить просеку левее, через пихтач. Придется стволы валить.

Корнилов, услышавший конец фразы, спрыгнул с гусеницы. — У меня приказ на марш, а не на лесоповал, — сухо бросил он. — Лидар показывает плотность наста в норме. Это армейская техника, она и не такое продавливала. А вы мне предлагаете слушать дворнягу и девчонку с берданкой?

— Я предлагаю слушать тех, кто в тайге выжил, когда ваши генералы в бункерах задыхались, — отрезал Артур, вставая между Андреем и полковником. — Машины глушить. Достаем пилы и топоры. Берем левее, рубим просеку. Это приказ по каравану.

Корнилов смерил Артура долгим, оценивающим взглядом. Желваки дернулись на скулах, но он не стал обострять. Пока что. — Как скажешь, командир, — ровно произнес полковник. — Жгите моторесурс.

Он развернулся и пошел к своим солдатам.

Работа заняла три часа. При минус сорока восьми бензопилы заводились с десятого раза, глохли, металл цепей становился хрупким, как стекло. Мужики валили промерзшие до самой сердцевины пихты, которые падали с сухим, пушечным треском. Связистки Корнилова и гражданские таскали тяжелые ветки в сторону.

Напряжение между людьми звенело в воздухе не хуже пильных цепей. Солдаты комендатуры работали зло, молча, сбившись в плотную группу подальше от наших. Один из сержантов Корнилова, здоровенный детина со шрамом через бровь, зацепился рукавом бушлата за сук, дернул на себя и со всей дури пнул упавшую ель сапогом, грязно выругавшись.

Гранат, огромный лохматый ризеншнауцер Севера, стоявший в десяти шагах, мгновенно развернулся корпусом. Ему, в отличие от гладкошерстной Спарты, мороз был нипочем, только густая борода покрылась толстой ледяной коркой. Пес не залаял, но его низкий, вибрирующий рык заставил сержанта осечься на полуслове и попятиться, инстинктивно потянувшись рукой к кобуре. Север тут же оказался рядом, положив тяжелую ладонь на загривок пса, но его взгляд, упертый в лицо солдата, был тяжелее любого ствола. — Руки от железа убери, боец, — тихо сказал спецназовец. — Не доживешь до выстрела.

Я работала топором неподалеку, срубая нижние сучья. Мороз забирался под куртку, пот мгновенно остывал на спине ледяной коркой, а каждое неосторожное движение отдавалось болью в застывших суставах. Эйдан и Эйли крутились рядом, утаптывая снег и согреваясь в движении, но при этом не спускали глаз с людей полковника.

К вечеру мы пробили обход в триста метров. «Витязь» медленно, ювелирно обошел невидимую глазу линзу. Когда тяжелый МАЗ Виктора, замыкавший колонну, миновал опасный участок, край наста всё-таки не выдержал вибрации. С глухим, страшным гулом многотонная корка снега и льда ухнула вниз, обнажив черную, иззубренную пасть провала глубиной с двухэтажный дом.

Солдаты комендатуры, стоявшие у вездехода, молча переглянулись. Сержант со шрамом сглотнул и отвел глаза. Корнилов смотрел на черную яму, лицо его оставалось непроницаемым. Он ни слова не сказал ни Андрею, ни Вере, просто залез обратно в кабину.

На ночевку встали в узкой лощине, укрытой от ветра скальным козырьком. Двигатели не глушили — на таком морозе, если масло застынет в картере, мы их больше не заведем. Машины стояли в ряд, утробно урча.

Я залезла в кунг второй вахтовки, где располагался наш импровизированный медблок. Внутри было жарко натоплено, в воздухе висел резкий запах хлоргексидина, спирта и грязных бинтов.

Док Данилов сидел на снарядном ящике, склонившись над одним из солдат Корнилова — молодым парнем с обмороженными щеками. Док методично накладывал мазь, его узловатые, сильные пальцы хирурга двигались быстро и точно.

Рядом с ним, молча и быстро, работала Оксана. Та самая медсестра из задыхающейся комендатуры Ямантау, что несколько дней назад отдала нам свои последние ампулы дексаметазона, достав их из-под языка. Сейчас она действовала так, будто между нами и тем газовым адом не было ни одного дня пути: четко, без лишних слов, она протягивала Доку бинты, вскрывала ампулы и держала фонарь так, чтобы свет падал ровно на лицо парня, не слепя хирурга. Док коротко кивнул ей, принимая шприц — они сработались с полувзгляда.

У ног Дока, растянувшись на старом солдатском одеяле, лежал Барни. Огромный, добрейший золотистый ретривер положил тяжелую морду на сапог обмороженного солдата и смотрел на него снизу вверх своими темными, всепонимающими глазами. Парень, морщившийся от боли, бессознательно опустил руку и зарылся пальцами в густую шерсть пса. Его плечи расслабились.

— Терпи, пехота, — проворчал Док, перетягивая бинт. — Жить будешь. Оксана, дай ему кеторол в мышцу и пусть спит. Следующий!

Я прошла вглубь кунга, сняла парку и устало привалилась к стене. Эйдан мгновенно оказался рядом, положил лапы мне на колени и заглянул в глаза. Я зарылась лицом в его воротник, вдыхая запах псины, снега и хвои. Запах жизни.

Напротив меня, у печки, сидел академик Черкасов. Пожилой создатель «Одиссея», вытащенный нами из самого нижнего яруса бункера, еще не до конца оправился после газового отравления в Ямантау. Он грел в дрожащих ладонях жестяную кружку с кипятком и смотрел в маленькое заиндевевшее окошко на черное, беззвездное небо.

— Вы знали, что оно никогда не прояснится само? — тихо спросила Алина, садясь рядом с ним. Ее голос дрожал от усталости.

Черкасов медленно повернул к ней голову. Лицо его казалось высеченным из серого камня. — Это не зима, девочка, — просипел старик, с трудом выталкивая слова из обожженного горла. — Это радиатор. Он жжет землю, чтобы не сгореть самому.

Академик замолчал, прикрыв глаза, и в этот момент Эйли, лежавшая у его ног, тихо вздохнула во сне, дернув лапой и прижавшись боком ближе к теплой стенке печки.

В кунге повисла тяжелая тишина, нарушаемая только треском дров и ровным дыханием собак.

Я смотрела на Барни, который перешел к забившемуся в угол молодому связисту, свернулся вокруг него кольцом, согревая своим теплом. Смотрела на Дока, который протирал очки

заскорузлыми от чужой крови пальцами. На Алину, чьи тонкие пальцы сжимали планшет так, что побелели костяшки.

Мы вырвались из Ямантау. У нас было топливо, тяжелая техника и оружие. Но впереди нас ждала Сибирь, позади — вымороженный континент, а внутри нашего собственного каравана, за стальной броней «Витязя», сидел человек, готовый пойти по головам ради мертвого приказа.

Ночь только начиналась. И мороз крепчал.

Глава 2. Кабельный лес

Пятые сутки спуска вымотали нас до тупого, непрерывного звона в ушах.

Каменный гребень Южного Урала остался за спиной, уступив место глухой, бесконечной тайге. Но легче не стало. Мороз держался на отметке минус сорок шесть, воздух стоял плотный, как студень, и каждый вдох без шарфа отдавал в бронхах колющей, режущей болью. Люди в кунгах дышали через сложенные втрое шерстяные тряпки и воротники свитеров, которые за полчаса превращались в жесткие ледяные корки от собственного выдоха.

Мы шли строго в колее «Витязя». Двухзвенный вездеход впереди рычал надсадно, с надрывом, проламывая тяжелый наст и разбрасывая из-под гусениц спрессованные глыбы снега.

Утром, еще в сумерках, колонна встала. На головном МАЗе Виктора лопнул резиновый патрубок системы охлаждения — не выдержал вибрации на таком морозе, рассыпался, как пересушенный сухарь, окатив моторный отсек паром, который за секунду превратился в белую изморозь на радиаторе.

Ремонт занял почти три часа. Виктор и Андрей возились под открытым капотом, обмотав лица шарфами до самых глаз. Металл на таком морозе звенел, как хрупкое стекло, а запасной резиновый шланг задубел так, что его невозможно было согнуть. Мужики по очереди грели его над синим пламенем паяльной лампы, стараясь не сжечь, но стоило отвести огонь на пару секунд, как резина снова каменела. Руки в толстых брезентовых верхонках не слушались, стальные хомуты срывались с резьбы, и когда Виктор случайно задел голым запястьем о раму, кожа прилипла с сухим, мерзким треском. Андрей в это время держал фонарь в зубах, потому что в обледеневших перчатках металлический корпус выскальзывал из пальцев, и из-под шарфа горного мастера неслось глухое, яростное мычание.

Пока мужики матерились сквозь зубы у открытого двигателя, я сидела в тесной вахтовке медблока.

Внутри пахло спиртом, горелой соляркой от печки и немытыми телами. Оксана, подсвечивая себе налобным фонариком, меняла повязку сержанту Лобанову из людей Корнилова — тому самому молодому парню, что сильно обморозил щеки и пальцы на переходе. Лобанов лежал на снарядных ящиках, укрытый двумя тулупами, мелко дрожал и тихо стонал сквозь стиснутые зубы.

Оксана работала молча, не поднимая глаз. Ее обветренные, загрубевшие от антисептика пальцы двигались четко, без лишней суеты. У ее колен, положив тяжелую рыжую голову на сапог солдата, лежал Барни. Золотистый ретривер грел парня своим теплом, тяжело вздыхая каждый раз, когда тот морщился от боли.

В углу кунга, привалившись спиной к ящикам с тушенкой, заворочался Док Данилов. Хирург не спал вторые сутки, отпаивая академика Черкасова от последствий газового отравления в бункере, но проснулся мгновенно, как только сержант громче прежнего скрипнул зубами. Док протер красные, воспаленные глаза, крякнул, подсел ближе и нагнулся над повязкой.

— Некроз не пошел? — хрипло спросил он, прищурившись в свете фонарика.

— По краям синюшность держится, Док, — тихо ответила Оксана, аккуратно промакивая кожу салфеткой с хлоргексидином. — Сосудистые спазмы сильные. Я ему никотинку уколола и гепариновой мазью закрыла, но в такой тряске капилляры не работают. Если еще двое суток на таком морозе — фаланги на левой руке потеряем.

Док кивнул, потрогал пальцы солдата своими узловатыми, теплыми ладонями. — Правильно сделала. Туго не бинтуй, пусть кровь ходит. И следи, чтобы он пальцами шевелил каждый час, даже через боль. А сама ложись через сорок минут, я подменю. Нам с тобой, Оксана, свалиться сейчас нельзя. Если мы ляжем — этих некому будет штопать.

Оксана только коротко кивнула, сжимая губы, и снова склонилась над солдатом. Они понимали друг друга с полуслова — два человека, на плечах которых висела жизнь всего каравана.

К полудню Виктор и Андрей наконец натянули проклятый патрубок, залили антифриз из канистр, и колонна снова поползла вниз, в широкую лесную лощину.

Я вернулась в головной тягач, села у самой стенки, привалившись плечом к обшитому войлоком металлу. Эйдан спал у моих ног, свернувшись тугим кольцом и спрятав нос в пушистый хвост. Эйли лежала рядом с Алиной — девушка пристроила диагностический планшет прямо на теплый бок собаки, отогревая замерзающую батарею. Три джек-рассела — Стич, Пиксель и Гайка — давно зарылись под овчинный тулуп на рундуке. Гладкошерстным терьерам на таком морозе делать было нечего: без подшерстка они остывали за пять минут, и Алина не выпускала их наружу даже во флисовых жилетках и шерстяных пинетках, которые женщины сшили еще в бункере.

Кирилл за столом связиста в десятый раз за утро стукнул ладонью по корпусу рации. Низкий, убаюкивающий гул на частоте семь и восемьдесят три герца, который держал нас в полудреме все эти дни, вдруг оборвался. Вместо него из динамика пошел сухой, царапающий треск.

— Помехи, — буркнул Кирилл, подкручивая верньер настройки. — Сильная наводка. Будто под высоковольтку заехали.

— Откуда здесь высоковольтка, Кирюх? — отозвался Виктор с водительского места, сжимая баранку в толстых верхонках. — Мы от ближайшего поселка в ста километрах, да и не работает ничего третий месяц.

— А датчик у вас не сдох? — вдруг подала голос Алина. Она оторвалась от экрана и ткнула пальцем в приборную панель.

Виктор скосил глаза, нахмурился и стукнул по стеклу циферблата. — С ума сошел, что ли... Минус тридцать два.

Через десять минут лобовое стекло МАЗа начало стремительно запотевать изнутри, а снаружи ледяная корка пошла мутными потеками. Термометр показывал минус двенадцать.

Когда вездеход Корнилова вывалился из плотного ельника на край лощины, «Витязь» резко дернулся и встал, вздыбив гусеницами черную, жирную грязь. Следом, визжа тормозами, замерли наши МАЗы.

Снег закончился.

Белый, бетонный наст обрывался почти ровной дугой, а дальше, насколько хватало глаз, тянулся темный, живой лес. Над прелой хвоей и мокрым бурым мхом поднимался густой белесый пар. С ветвей вековых кедров срывались тяжелые капли талой воды, глухо шлепаясь в мягкую землю.

Я толкнула тяжелую дверь и спрыгнула вниз. Сапоги с забытым, непривычным чавканьем ушли в мокрый мох. В лицо ударил влажный, дурманящий воздух — пахло прелой листвой, смолой, сырой землей и оттаявшей хвоей. После стерильного, вымороженного хребта этот запах ударил в голову сильнее спирта. У меня закружилась голова, к горлу подкатила легкая тошнота от избытка кислорода и влаги.

Эйдан и Эйли выскочили из кунга следом и на секунду замерли на пороге, жадно втягивая воздух раздутыми ноздрями. А потом Эйли сорвалась с места. Тихая блю-мерль с визгом рухнула на спину в мокрый мох, закрутилась, катаясь с боку на бок, втирая в шерсть запах настоящей земли. Эйдан прыгнул рядом, схватил ее за ухо, и через секунду оба бордера уже носились кругами между стволами, поднимая брызги грязи и прелых иголок.

Из соседней машины вывалились остальные. Артур выпустил Спарту — командир успел стянуть с малинуа утепленную попону, но собака в своих самодельных флисовых башмачках смешно, неуклюже зашлепала по лужам, пока Артур не присел и не сдернул с ее лап промок-

шую ткань. Следом из кунга вылетели джек-расселы во флисовых жилетках. Стич первым врезался в мокрую кочку, зарылся носом по самые уши и принялся яростно копать, разбрасывая грязь во все стороны, будто сошел с ума от обилия запахов.

Даже солдаты Корнилова, высыпавшие из десантного отсека вездехода, стояли молча, стянув шапки и подставляя бледные, обветренные лица влажному теплу. Никто не говорил ни слова. Люди просто дышали, прислоняясь спинами к шершавым стволам кедров.

— Тихо всем! — голос Веры прозвучал резко, сбивая оцепенение.

Охотница стояла у самой кромки оазиса, не снимая трехлинейки с плеча. Она показывала рукой в густой подлесок метрах в пятидесяти от машин. Там, под разлапистой елью, сидел заяц-беляк. Зверек не убегал. Он только мелко прядал длинными ушами, косясь на резвящихся собак, а рядом с ним в мокрой траве копошились еще двое. На ветке кедра прямо над ними сидела кедровка и спокойно чистила перья.

— Непуганые, — тихо пробормотала Вера, и в ее голосе не было охотничьего азарта, только глухое недоумение. — Они тут зимуют. Как в заповеднике.

— Откуда здесь тепло? — Север подошел к ближайшему могучему кедру, приложил ладонь без перчатки к влажной коре. — По всем картам здесь вечная мерзлота. Ни вулканов, ни термальных источников.

— Посмотри вниз, майор, — позвала Алина.

Девушка стояла на коленях у вывороченного корня старой сосны. Мы подошли ближе. Земля под корнями была черной, влажной и ощутимо теплой даже сквозь подошву сапог. А прямо между толстыми, узловатыми древесными корнями, уходя вглубь почвы и оплетая их плотной, черной сетью, тянулись жилы силовых кабелей толщиной в руку. Они не лежали сверху — они будто вросли в лес, уходя от дерева к дереву, опутывая каждый корень, каждый метр земли.

Алина стянула перчатку и прикоснулась ладонью к черной изоляции кабеля. — Горячий, — прошептала она, глядя на эту подземную паутину с холодным, технологическим ужасом от масштаба чужой инженерной мысли. — Градусов сорок, не меньше. Отсюда идет сброс тепла. Огромные контуры уходят глубоко в породу, а остаток выведен сюда, под корни.

К корню медленно подошел академик Черкасов. Старик опирался на плечо Дока Данилова, дышал тяжело, со свистом, но глаза его, глубоко запавшие под седыми бровями, загорелись острым, живым интересом. Он опустился на корточки, крякнув, и провел сухим, узловатым пальцем по валуну, торчащему из черной земли рядом с кабелем. Камень был покрыт плотной, шершавой белесой коркой.

Черкасов соскоблил ногтем немного этого белого налета, растер между пальцами и поднес к самому носу. — Карбонат кальция, — хрипло произнес академик, глядя на Алину. — И магния. Машина не просто сбрасывает сюда лишнее тепло от своих подземных кластеров, девочка. Она направляет тепловую энергию в глубокие пласты на эндотермические реакции. Физически связывает атмосферный углекислый газ в твердые минералы, очищая воздух. А остаточное, низкопотенциальное тепло выводит на поверхность, чтобы сохранить корни.

— То есть она... лечит планету? — тихо спросил подошедший Артур.

— Она сохраняет минимальный биофонд, — поправил Черкасов, с трудом поднимаясь с помощью Дока. — Пять процентов. Чтобы, когда процесс стабилизируется, было из чего растить новый лес.

Чуть в стороне, у поваленной лиственницы, вышел из кунга подышать сержант Лобанов, опираясь на плечо санитара. Его все еще мелко колотило после мороза. Подошедший Барни ткнулся влажным черным носом парню в здоровую ладонь, тихо фыркнул и положил голову ему на колено. Сержант неуверенно погладил золотистую шерсть, и его плечи медленно опустились. Рядом пробежала Спарта — она лишь на секунду мазнула взглядом по солдату и тут же вернулась к ноге Артура, контролируя периметр.

— Нам здесь нечего делать, — раздался жесткий голос Корнилова. Полковник стоял у борта «Витязя», заложив руки за спину. — Машины остынут, потом на хребте не заведем. Грузимся, идем дальше по азимуту.

Не успел он договорить, как со стороны густого ельника в глубине лощины донесся короткий, отрывистый свист Андрея.

Мы обернулись. Горный мастер стоял у заросшего пожухлым папоротником холма метрах в ста от нас, вскинув вверх руку с пешней. Рядом с ним замерла Пятница. У некрупной суки с короткой жесткой остью шерсть не встала бы дыбом, как у шпица, но она вся сжалась в тугую пружину, припав грудью к мокрому мху, обнажила мелкие острые зубы и издала низкий, вибрирующий рык, глядя куда-то в основание холма.

Мы двинулись туда, стараясь не шуметь. Артур жестким жестом осадил собак — Эйдан и Эйли тут же прижались к моим ногам, навострив уши. Север молча скользнул левее, беря склон на прицел, а Гранат прижался к его бедру.

Подойдя ближе, я почувствовала то, на что среагировала Пятница. Среди запахов мокрого мха и хвои пробивался чужой, резкий дух — пахло озоном, горелым пластиком и химической хлоркой. Холм не был природным. Сквозь осыпавшийся дерн и маскировочную сетку, затянутую мхом, проступал гладкий серый бетон. А в самой низине, прикрытая разлапистыми ветвями пихт, пряталась массивная герметичная дверь шлюза с кодовым замком и вынесенным наружу блоком видеокамер.

— Бункер, — шепотом выдохнул Виктор, оглядывая замаскированный вентканал в скале. — Частный. Посмотри на отделку — нержавейка, гермозатвор импортный. Олигархи себе «норы» рыли до обвала.

— Караван в овраг, машины заглушить, маскировать ветками, — тихо скомандовал Артур. — Север, берем периметр. Никому не высовываться.

Мы просидели в сыром, глубоком овраге больше часа. Сверху с мокрых лап пихт постоянно капала ледяная вода, затекая за шиворот. Ветра почти не было, но легкий сквозняк тянул со стороны бетонного холма, принося с собой стойкий, тошнотворный запах химии и озона. Камеры над шлюзом медленно, с едва слышным жужжанием поворачивались из стороны в сторону, сканируя опушку.

Собаки в овраге не спали. Эйдан лежал, положив морду на вытянутые лапы, но его янтарные глаза не отрывались от гребня склона, а уши непрерывно ловили каждый шорох. Эйли сидела рядом со мной, мелко подрагивая мышцами плеч — она чуяла за бетоном что-то чужое, неправильное, и это сводило ее с ума. В двух шагах от нас Пятница уткнулась носом в колено Андрея и тихо, сдавленно поскуливала во сне, дергая лапами.

Рядом, привалившись спиной к влажному стволу кедра, сидела Алина. Она прикрыла экран планшета полой куртки, чтобы не светился в сумерках, и быстро бегала пальцами по сенсору, подключив к разъему направленную антенну из рюкзака Кирилла.

— Поймала, — прошептала она, придвигаясь ко мне и Артуру. Ее лицо в синеватом свете экрана казалось осунувшимся. — У них там внутренняя беспроводная сеть фонит через вентиляционную шахту. Шифрование примитивное, корпоративный стандарт. Я вскрыла пакеты медицинского сервера.

— Что там? — тихо спросил Артур, не отрывая взгляда от шлюза.

Алина сглотнула и зачитала шепотом с экрана: — Журнал процедурного блока за последние сутки. «Объект четыре. Уровень кортизола критический, паническая атака. Введено десять миллиграммов диазепама внутримышечно». Дальше: «Объект семь. Попытка суицида в жилом секторе. Купировано. Введен галоперидол, перевод в изолятор». И таких записей десятки за неделю. Они там не просто сидят, Артур. Они сходят с ума в этой банке, а охрана глушит их транквилизаторами.

Корнилов, присевший на корточки по другую сторону от Артура, услышал последние слова и криво усмехнулся. Он придвинулся ближе, зашептав прямо в ухо командиру, обдавая его запахом дешевого табака: — Тем проще, командир. Там внутри сидят перепуганные крысы и горстка наемников на таблетках. Там тепло, жратва, медицина. А у нас двадцать шесть голодных ртов и три калеки, которые грызут сухари и гниют от обморожения. У нас «Витязь» под парами. Я подгоню вездеход, вырву эту жестянку тросом за пять минут. Мы имеем право на этот бункер по праву сильного. Зайдем, разоружим охрану и возьмем всё, что нужно для марша.

— Сядь, полковник, — так же тихо, но с таким металлом в голосе ответил Артур, что Корнилов осекся. — Ты дернешь дверь — через три минуты сюда прилетят дроны «Одиссея» на всплеск агрессии. Забыл, как в Ямантау было? Никакого штурма. Мы идем к двери вчетвером. Я, Север, Яна и ты. Остальные держат прицел из оврага.

Мы вышли из-под прикрытия деревьев открыто, не пряча стволов, но опустив их дулами в землю. С нами шли Эйдан, Эйли, Спарта, Гранат и увязавшийся следом Барни — ретривер упрямо потрусил за мной, и я не стала его гнать.

Когда до бетонной площадки перед шлюзом оставалось метров десять, одна из камер над дверью замерла, уставившись прямо на нас. Внутри за толстой сталью глухо щелкнуло реле. Индикатор над замком сменил красный свет на зеленый, зашипела гидравлика, и тяжелая створка медленно отъехала в сторону.

Из освещенного мягким, желтоватым светом тамбура на мокрый мох вышли четверо.

Впереди шел мужчина лет пятидесяти. Подтянутый, гладко выбритый, в дорогом флисовом костюме песочного цвета, который в прежней жизни стоил как весь наш караван вместе взятый. На ногах — легкие трекинговые ботинки на тонкой подошве. За ним — двое рослых парней в черной тактике без знаков различия, с короткими пистолетами-пулеметами, прижатыми к груди, и молодая женщина в белом свитере, аккуратно сложившая руки на животе.

Они не боялись. Это и было самым страшным.

Двадцать шесть грязных, вонючих людей за спиной, автоматы на груди, пять крупных собак у ног — а они вышли без бронежилетов, без шлемов, с открытыми лицами.

Мужчина остановился в пяти шагах. Он слегка развел ладони, демонстрируя отсутствие оружия. — Добрый день, — произнес он. Голос ровный, без единой хрипотцы, с той самой интонацией ведущего вечерних новостей, когда нужно спокойно сообщить о повышении тарифов. — Меня зовут Игорь. Мы видели ваши машины по тепловым контурам еще на подходе к лощине. Добро пожаловать. У нас есть горячая вода, свежие овощи и медицинский блок.

Он улыбнулся. Губы растянулись, обнажив ровные, отбеленные зубы. Но кожа вокруг глаз не собралась в морщинки. Глаза остались холодными, стеклянными, оценивающими. Он улыбался только мышцами лица.

Оксана, стоявшая чуть позади меня, вдруг тихо, едва слышно выдохнула. Я скосила взгляд на медсестру — та смотрела на женщину в белом свитере и на охранников с профессиональным прищуром. Кожа у обитателей бункера была неестественно гладкой, ухоженной, но зрачки у всех четверых были расширены на всю радужку, а пальцы женщины в белом свитере мелко, почти незаметно подрагивали.

И в эту же секунду воздух вокруг нас взорвался.

Эйли не просто залаяла. Она издала звук, который я слышала от нее только раз — когда на трассе М-5 мы нашли раздавленную кабину фуры с мертвым водителем внутри. Это был не лай, а утробный, раздирающий визг, от которого закладывает уши. Блю-мерль рванулась вперед, натянув поводок так, что карабин врезался мне в ключицу.

— Эйли, фу! — я дернула ремень двумя руками, упираясь каблуками в скользкий мох, но собака не слышала. Шерсть на ее спине поднялась колючим, жестким валом.

Следом сорвался Эйдан. Соболь ударил грудью в воздух, низко, остервенело рыча. Спарта вдавила Артура в землю, пытаясь вырваться и достать горло ближайшего охранника. Гранат хрипло завыл, упираясь лапами в корни. Даже Пятница, выскочившая из-за спины Андрея, припала к земле, скалясь и захлебываясь злым, отрывистым лаем.

Но громче всех звучал не рык.

Барни. Золотистый ретривер, который всю дорогу грел раненых, обошел меня и подошел прямо к ближайшему охраннику. Пес не скалился и не поднимал шерсть. Он сел прямо перед дулом пистолета-пулемета, поднял морду, шумно втянул воздух и тихо, протяжно, тоскливо заскулил. Так скулят собаки у постели безнадежно больного хозяина.

Охранник дрогнул. На долю секунды его каменное лицо исказилось. В уголках глаз мелькнуло что-то липкое, тошнотворное — чистый, концентрированный ужас, загнанный глубоко внутрь. Он попятился на полшага, и ветер донес до меня запах.

Не пота. Не страха. Резкий, сладковатый запах хлорки, озона и тяжелых седативных препаратов.

Корнилов, стоявший левее меня, дернул плечом, перехватывая автомат удобнее, и сделал полшага вперед, подавляя своей массивной фигурой. — Разговорчики отставить, — жестко отрезал полковник, буравя Игоря тяжелым, командирским взглядом. — Я полковник Корнилов. Мы берем объект под временный контроль. Нам нужно топливо, медикаменты, продовольствие и место для обогрева личного состава. Охране сдать оружие, всем остальным отойти вглубь коридора. Сопротивление расцениваю как саботаж.

Тяжелый, привычный к плацу голос полковника повис в сыром воздухе, но не произвел на хозяев бункера никакого впечатления. Женщина в белом свитере даже не моргнула. Второй охранник остался стоять как вкопанный, не меняя позы, словно перед ним орал не вооруженный офицер, а сломанный репродуктор.

Игорь перевел стеклянный взгляд с Артура на Корнилова. Уголки его губ снова поползли вверх, формируя ту же пустую, выверенную улыбку. — Полковник Корнилов, — мягко повторил Игорь, словно пробуя имя на вкус. — Бывший заместитель коменданта объекта «Ямантау». Мы слышали ваши переговоры в открытом эфире еще три дня назад, когда вы спускались с хребта. И мы видели по тепловизорам, как ваш вездеход сегодня утром встал на обочине из-за лопнувшего патрубка.

Корнилов замер. Его челюсть сжалась так, что на скулах вздулись желваки, а палец инстинктивно лег на спусковую скобу. Север рядом со мной едва заметно сдвинул ствол пулемета на пару сантиметров в сторону Игоря.

— Не нужно, — все так же спокойно, без единой нотки страха или вызова произнес Игорь, глядя полковнику прямо в переносицу. — Здесь нет врагов, Виктор Алексеевич. И приказы вашего министерства здесь больше не действуют. Над нами висит то, что слышит каждый ваш удар сердца и чувствует каждый выброс адреналина в кровь. Если вы поднимете здесь стрельбу или начнете ломать двери, мы даже не успеем нажать на спуск — через четыре минуты сюда прилетят машины с верхнего периметра и выжгут всю лощину вместе с вашими грузовиками, собаками и раненым сержантом.

Он сделал крошечную паузу, позволяя тишине впитаться в мокрый мох, и перевел взгляд на Артура, безошибочно угадав, кто в нашей группе на самом деле принимает решения.

— Мы не держим вас на пороге, — продолжил Игорь ровным, стерильным тоном. — У нас хватит места и горячей воды для всех двадцати шести человек. Но у нас есть одно правило: никакой паники, никакой злобы и никакого оружия в жилых секторах. Уберите животных в машины. Они чувствуют то, чего в этом месте чувствовать нельзя. Пойдемте внутрь.

Я с силой сжимала ошейник рвущегося с рук Эйдана, чувствуя, как под пальцами колотится бешеный пульс собаки, и смотрела в темный зев открытого шлюза, откуда тянуло теплом, хлоркой и мертвой, удушающей тишиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.